

Санкт-Петербургский
государственный
университет

РОССИЯ

В глобальном мире: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

*Сборник работ IX международной
студенческой научной конференции*

Санкт-Петербург
2021

УДК 316.42
ББК 60.56
Р76

Редакторы: *Матяшова Д.О.*
Смирнов Е.В.
Попов Д.И.
Зенков М.А.
Габриелян М.О.
Коновалова К.А.
Филиппова З.Н.

Р76 Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности:
Сборник работ IX международной студенческой научной конференции. — СПб.: Скифия-принт, 2021. — 386 с.

ISBN 978-5-00197-004-0

Сборник содержит доклады участников Девятой международной студенческой научной конференции «Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности», проведенной на базе Санкт-Петербургского государственного университета с 25 по 27 марта 2021 г. В нем представлен широчайший спектр взглядов молодых исследователей международных отношений и мировой политики — студентов бакалавриата и магистратуры, аспирантов — на политические, экономические и социокультурные явления и процессы, происходящие в современном мире

УДК 316.42
ББК 60.56
Р76

ISBN 978-5-00197-004-0

© Коллектив авторов, 2021
© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ПОВОРОТ НА ВОСТОК: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Белякова Анна Михайловна

Парадипломатия регионов Дальнего Востока РФ и Китая:
проблемы и перспективы. 7

Выскубова Анастасия Игоревна

Будущее и роль России в Евразийской интеграции. 14

Заикина Елена Викторовна

Анализ правового аспекта российско-китайского сотрудничества
в области урегулирования миграционных процессов в конце XX-
начале XXI вв. 21

Колотова Надежда Владимировна

Отношения РФ и СРВ в рамках политики поворота на Восток 27

Пронина Валерия Александровна

Китай и Россия на нефтегазовом рынке Центральной Азии:
соперничество или сотрудничество 34

Росляков Федор Сергеевич

Проект КНР «Экономический пояс Шелкового пути» и интересы
России — современное состояние 46

Салахутдинов Эдгар Васильевич

Российско-японские отношения: конец эпохи Синдзо Абэ? 58

Фокин Ярослав Павлович

Содержание и итоги российско-японского сближения
при правительстве Синдзо Абэ. 65

СЕКЦИЯ «РОССИЯ И СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА»

Щеголев Евгений Андреевич

Расширение доступности участия граждан в голосовании
посредством внедрения новых инструментов на примере США
и России: проблемы и перспективы 75

<i>Юрк Алексей Владимирович</i>	Перспективы развития российской политики в Сирии на фоне прихода к власти в США администрации Дж. Байдена	84
СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА»		
<i>Габриелян Максим Олегович</i>	Влияние фактора политического популизма на динамику российско-бразильских отношений	91
<i>Дипломатов Андрей Александрович</i>	Российско-Венесуэльские отношения в период политического кризиса в Венесуэле: актуальное состояние и перспективы	103
<i>Николаев Юрий Викторович</i>	Имидж России на примере образовательной и культурно-просветительской деятельности в Эквадоре на современном этапе.	109
<i>Щербакова Елена Юрьевна</i>	«Вакцинная дипломатия» как фактор развития отношений России со странами Латинской Америки в период глобального кризиса	121
СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА»		
<i>Абахтимова Дарья Олеговна</i>	Политический аспект реализации проекта «Северный поток-2»: интересы Германии и Австрии	128
<i>Болиев Сергей Олегович</i>	“Особые отношения” России и Италии в период обмена санкциями и “коронакризиса”.	136
<i>Кондрин Максим Дмитриевич</i>	Особенности взаимосвязи парадипломатии и проявлений сепаратизма: сравнительный анализ на примере России 90-х годов XX века и Испании XXI века	143
<i>Коцуур Глеб Владиславович</i>	От голоса Другого к герметичному семиозису: замещение образами позиции партнера как проблема нормативного взаимодействия России и ЕС	154
<i>Морозов Максим Константинович</i>	Приоритетность партнёрства с Евросоюзом для России в условиях становления полицентричного миропорядка	165
<i>Ощепкова Валентина Максимовна</i>	К вопросу о перспективах формирования системы международной информационной безопасности в контексте отношений Россия-ЕС	177
<i>Смирнов Егор Владимирович</i>	Место России в неписаной концепции внешней политики Германии и позиция парламентских оппозиционных партий	186
<i>Токарев Никита Олегович</i>	Взаимоотношения России и Германии в коронакризис	199

<i>Шубина Дарья Сергеевна</i>	
Россия и Западная Европа: вызовы и возможности адаптации в государственной миграционной политике.	208
<i>Шуранова Анна Артёмовна</i>	
Проект «Северный поток — 2» в энергетических отношениях Европейский Союз — Россия: сценарии изменения европейской позиции.	220
СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО»	
<i>Башаров Галим Рамилевич</i>	
Общие характеристики современных международных конфликтов на постсоветском пространстве	232
<i>Зарипов Никита Андреевич, Фаим Ахмад Самир,</i> <i>Рыжков Никита Антонович</i>	
Образ Нагорно-Карабахской Республики в риторике глав государств Армении, Азербайджана и России: дискурс-анализ . . .	242
<i>Писаревская Дарья Дмитриевна</i>	
Исследование и оценка преобразований в экономике Украины в период президентства В. Зеленского	254
СЕКЦИЯ «РОССИЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА»	
<i>Коровина Анастасия Максимовна</i>	
Особенности развития возобновляемых источников энергии в странах Северной Европы: опыт для Российской Федерации . . .	267
<i>Лебедева Екатерина Александровна</i>	
Опыт Санкт-Петербурга в формировании имиджевой политики Финляндии.	278
СЕКЦИЯ «РОССИЯ И БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК»	
<i>Ибрагимова Неля Ринатовна</i>	
Российско-палестинские отношения	284
<i>Митряшкин Александр Сергеевич</i>	
Российский военный объект в Судане. Новые перспективы в регионе Красного моря	293
СЕКЦИЯ «РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА»	
<i>Белусов Владислав Дмитриевич</i>	
Проявление противоречий между Россией и Польшей. Взгляд Польши и её действия	302
<i>Леонов Юрий Игоревич</i>	
Экспертная дипломатия аналитических институтов ФРГ и РФ в период с 2014 г.: формы и направления взаимодействия	312
<i>Попов Дмитрий Игоревич</i>	
Вопрос российско-словацких отношений в правительстве Игора Матовича.	323

Шишов Никита Юрьевич

Российская Федерация во внешнеполитических концепциях
ведущих праворадикальных партий Словакии и Чехии
(На примере «Котлебовцы — Народная партия Наша Словакия»
и движения «Свобода и прямая демократия») 335

**КРУГЛЫЙ СТОЛ «БУДУЩЕЕ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ: МЕСТО И РОЛЬ РОССИИ»**

Петрова Дарья Андреевна

Место России в американо-китайском конфликте 343

**КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЯ И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО И КОНКУРЕНЦИЯ»**

Гельфонд Даниил Владиславович, Джафаров Эльшан Намил оглы

Международный digital-маркетинг университетов: онлайн-курсы
и другие инструменты продвижения 350

Евсеева Алёна Александровна

Опыт инициативы Европейского Университета для программы
стратегического академического лидерства российских вузов. . . . 356

Мисан Елизавета Михайловна

Интернационализация высшего образования и международная
деятельность университетов: российский и японский кейсы
интернационализации 366

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 381

Шубина Дарья Сергеевна

**Россия и Западная Европа:
вызовы и возможности адаптации
в государственной миграционной политике**

Russia and Western Europe: Challenges and Opportunities for
Adaptation in State Migration Policy

Аннотация: Важным инструментом адаптации и интеграции государственной миграционной политики является обучение мигрантов языку страны-реципиента. Проблема языковой подготовки иностранных граждан рассматривается на примере Российской Федерации и ряда европейских стран. В статье анализируются особенности посткризисного миграционного периода в свете сложившейся тенденции увеличения миграции из стран, не имеющих тесных языковых и культурных связей со страной-реципиентом. Обучение мигрантов языку страны-реципиента, а также введение предварительного языкового тестирования повышает эффективность адаптации мигрантов и уровень толерантности населения страны.

Ключевые слова: адаптация, Западная Европа, интеграция, миграционная политика, Россия, языковая подготовка мигрантов

Abstract: An important tool for adaptation and integration of state migration policy is teaching migrants the language of the recipient country. The problem of language training for foreign citizens is considered on the example of the Russian Federation and a number of European countries. The article analyzes the features of the post-crisis migration period in the light of the current tendency to increase migration from countries that do not have close linguistic and cultural ties with the recipient country. Teaching migrants the language of the recipient country, as well as the introduction of preliminary language testing, increases the efficiency of adaptation of migrants and the level of tolerance of the country's population.

Keywords: adaptation, integration, language training of migrants, migration policy, Russia, Western Europe

Введение

Глобализация — ключевая тенденция XXI века, в связи с которой увеличивается и миграционная подвижность населения планеты. Локальные военные конфликты, тяжелая экологическая и эпидемиологическая ситуация, разница в уровне жизни в странах с развитой и развивающейся экономикой, стремление к воссоединению семей подталкивают людей к смене места жительства.

Целью исследования является выявление особенностей политики языковой подготовки по адаптации мигрантов в свете современной тенденции к увеличению миграции из стран, не имеющих тесных исторических, языковых и культурных связей со страной-реципиентом в период посткризисной миграции, а также определение потенциала предварительного языкового тестирования мигрантов для их успешной адаптации в принимающем обществе.

На данный момент современная наука пытается разработать системный подход к изучению феномена миграции. Как сформулировал Энтони Гидденс: «Ученые, изучающие миграцию, все больше склоняются к рассмотрению глобальных моделей миграции как неких систем, образованных взаимодействием процессов, происходящих на микро- и макроуровнях» [8]. В данном исследовании феномен миграции рассматривается с точки зрения социологического подхода, согласно которому миграция является результатом выбора мигрантом определенного сценария развития, в котором важную роль играет владение языком страны-реципиента. Одно из первых научных определений миграции было предложено в 1885–1889 годах британским ученым Э. Равенштейном, который понимал под ней постоянное или временное изменение места жительства человека [12]. В настоящее время М. Галас говорит о посткризисной миграции, под которой понимается «процесс вытеснения населения из проблемных регионов — доноров миграции, причиненный ущербом социально-культурным, инфраструктурным, религиозным, финансовым, экономическим, энергетическим, политическим, правовым, этносоциальным, экологическим и другими благоприятным и традиционным средам, вызванным политическими и вооруженными конфликтами, которые требуют защиты прав гражданина и человека, связанные с проблемой обеспечения национальной безопасности» [2].

Адаптация мигрантов в новой социокультурной среде

Под адаптацией мигрантов в новой социокультурной среде понимается процесс изменения и достижения соответствия с новой культурной средой, осуществляемый через усвоение новых норм, ценностей и моделей поведения в процессе межкультурных контактов, а также как результат этого процесс, выражающийся в степени интеграции в новое культурное сообщество, с одной стороны, и в достижении чувства благополучия и удовлетворения с другой. Адаптивная деятельность принимающей этнической общности реализуется через толерантность, открытость, готовность взаимодействовать с другими, не навязывая им ту или иную модель адаптации. А. Кеннеди и К. Уорд различают психологическую и социокультурную адаптацию [14]. Первый тип адаптации относится к психологическому благополучию или удовлетворенности и зависит от личных качеств, истории жизни человека и социальной поддержки, которую он получает во время миграции. Социокультурная адаптация напрямую связана с выбором стратегии адаптации, которая отражает отношение мигрантов к культурным изменениям и включению в новую среду, а также характеризует степень и успешность реализации выбранной стратегии. Социокультурная адаптация означает социальные навыки и способность человека адаптироваться к новой культуре. Его скорость зависит от языковых способностей, времени, проведенного в новой стране, разницы между исходной культурой и новой культурой, а также различных аспектов аккультурации.

Государственная политика адаптации и интеграции любой страны-реципиента многогранна. Структурная интеграция связана с участием мигрантов в экономической жизни и их доступом к системам образования и здравоохранения стран-реципиентов. Социальная и культурная интеграция касается участия мигрантов в общественной жизни и их ориентации на общие ценности. Политическая интеграция означает участие мигрантов в процессе принятия политических решений. Удовлетворение образовательных и других потребностей мигранта, беженца и принимающего населения на местном, национальном и международном уровнях требует мобилизации ресурсов и координации. Международная

конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г. определяет единый правовой статус трудящихся-мигрантов, основные права и свободы последних, а также обязательства принимающего государства в отношении трудящихся-мигрантов[9]. Кроме того, в сентябре 2016 года 193 государства-члена ООН подписали Нью-Йоркскую декларацию о беженцах и мигрантах, которая направлена на укрепление и совершенствование механизмов, устанавливающих общую ответственность, и которая заложила основу для процессов подготовки двух глобальных договоров, касающихся, соответственно, мигрантов и беженцев [11].

Обучение мигранта языку страны-реципиента как инструмент адаптации и интеграции государственной миграционной политики

Язык как средство вербального общения становится основой для построения мультикультурного общества. Рост миграционных процессов часто создает условия для формирования компактных поселений мигрантов разных национальностей, снижая их интерес к интеграции через изучение языка принимающей общины. Формирование «этнических» обществ (трудовых анклавов) обостряет эту проблему, позволяя новичкам в большинстве случаев обходиться без развития коммуникативных навыков на языке принимающего общества, несмотря на практически повсеместно существующие государственные требования к знанию языка, истории и основы местного законодательства. С одной стороны, язык помогает устанавливать контакты по принципу «друг или враг», являясь инструментом самопрезентации и своеобразной адаптации к новой межкультурной среде. С другой стороны, язык становится препятствием для общения за пределами ограниченного пространства или даже средством манипуляции для достижения определенных целей и намерений [1].

Недостаток знаний и навыков или отсутствие мотивации для быстрой адаптации и интеграции в российское общество является одним из основных вызовов интеграционной политике Российской Федерации. Необходимое увеличение количества ми-

грантов, демонстрирующих свою полную готовность к адаптации и интеграции в российское общество, определяется одной из стратегических задач миграционной политики Российской Федерации. Он сформулирован в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [3], а также в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [5]. Адекватное знание языка мигрантами, их хорошее понимание основ государственного устройства и правовой системы, а также ценностей, истории, культурных традиций, норм и правил поведения рассматривается как прочная основа для укрепления социального единства и продвижения интеграция граждан России и мигрантов в единое правовое поле. В этом контексте очень важно изучить и критически осмыслить опыт других стран в области языковой подготовки мигрантов. В частности, представляет интерес изучение и анализ опыта предварительного языкового тестирования будущих мигрантов, что можно рассматривать, как признак серьезных намерений мигрантов адаптироваться и интегрироваться в общество принимающей страны.

Великобритания стала страной-реципиентом в конце XVIII века из-за промышленной революции. Примечательно, что во время самых первых миграций мигрантам удавалось сохранять свою идентичность, но при этом вести диалог с местным населением, но не ассимилироваться. Примером может служить «внутренняя миграция» ирландцев. Именно в этот период были сформированы первые основы политики мультикультурализма Британской империи, а именно: приоритет уважения прав и свобод, терпимость к иностранным культурам и уважение культурной и национальной самобытности, кроме того, сообщества могли защищать свои права на национальном уровне. Однако политику мультикультурализма предопределил и другой фактор — колониальное прошлое страны. В Великобритании сосуществовало значительное количество этнических групп и культур, что также характеризует современное состояние британского общества: самые многочисленные этнические группы представлены мигрантами из Пакистана, Китая, Индии, Африки, Бангладеша и Юго-Восточной Азии. Более того, Индия и Пакистан входят в тройку стран, граждане которых мигрируют в Соединенное Королевство [10]. Несмотря на высокий уровень то-

лерантности к мигрантам и давнюю реализацию мультикультурной модели ассимиляции мигрантов, политические и экономические реалии современного мира вынудили Великобританию изменить свою открытую миграционную политику и взять курс на ужесточение контроля над миграционными процессами.

Во время последней волны иммиграции Германия стала самым привлекательным местом для мигрантов. В период с 2015 года по конец 2018 года 558 549 человек бежали в Германию и были признаны беженцами. Пятью наиболее важными странами их происхождения являются Сирия (518 048), Афганистан (184 759), Ирак (164 163), Албания (68 658) и Иран (45 891). В 2016 году более 2000 недавних мигрантов спросили, что побудило их мигрировать, и оказалось, что сочетание нескольких причин часто приводило к миграции и бегству: 70% всех респондентов заявили, что они спасаются от войны и насилия, 44% искали защиты от преследований и 39% заявили, что они страдают от тяжелых условий жизни. Кроме того, некоторые беглецы хотели избежать дискриминации (38%) или уйти от принудительной вербовки (36%), тогда как 32% всех участников исследования определили причину своей миграции в общей экономической ситуации в стране происхождения. Поначалу общественный прием беженцев был положительным. Со временем отношение общества изменилось, что привело к росту успеха на выборах правой партии «Alternative fuer Deutschland». Демонстрации правых и насилие в отношении недавних мигрантов резко возросли в 2015 и 2016 годах, немного снизившись в 2017 году[15].

В 2014–2015 годах произошло резкое увеличение потока беженцев на территорию Российской Федерации в связи с вооруженным конфликтом на Юго-Востоке Украины. По данным Автоматизированной системы аналитической отчетности, в 2017 году на территорию Российской Федерации въехало более 17,1 млн иностранных граждан. Основной миграционный поток формируют граждане стран СНГ (68,7%). Доля граждан Евросоюза составляет 10,3%. На граждан других стран приходится 20,9% миграционного потока. Из числа прибывших мигрантов наибольшая доля (52,4%) принадлежит гражданам Украины, Узбекистана, Казахстана и Китая. Среди регионов Московской область занимает первое место по количеству мигрантов. Наибольшее количество

иностранных граждан находится в Центральном (42,1%) и Северо-Западном (14,5%) федеральных округах. По данным ASAR, 26,4% иностранных граждан, прибывших на территорию Российской Федерации с целью работы или с частным визитом, превысили срок легального пребывания в России, что свидетельствует о наличии нелегальной миграции [4].

Количество и структура мигрантов зависит от преобладающих форм миграции (временная, постоянная, экономическая, политическая и т.д.); демографических характеристик иммигрантов (возраста, социально-экономических характеристик, уровня образования и т.д.); культурных особенностей (культурная и языковая удаленность от принимающего общества и основных стран назначения, уровень этнической однородности) и других факторов. Благодаря этому каждая из стран-реципиентов имеет свою миграционную политику и набор механизмов для адаптации и интеграции. При всех их особенностях овладение национальным языком мигрантами в большинстве стран считают безусловным приоритетом интеграции. Поэтому языковая подготовка находится в центре внимания большинства механизмов интеграции. Владение национальным языком выполняет ряд ключевых функций в процессе интеграции: обеспечивает эффективное общение между мигрантами и государственными органами, хозяйствующими субъектами и отдельными членами принимающего общества. Трудно переоценить важность владения национальным языком для социальной интеграции мигрантов в принимающее сообщество и вертикальной мобильности иммигрантов. Следовательно, эффективная политика языковой интеграции играет ключевую роль в обеспечении равных возможностей для всех членов общества.

Подходы к языковой интеграции мигрантов

Рассматривая миграционную политику в отношении уровня владения взрослыми мигрантами языком страны-реципиента, можно выделить несколько подходов. Например, посещение языковых и интеграционных курсов после прибытия является обязательным условием для мигрантов во Франции. Обучаясь на курсах, абитуриенты демонстрируют как минимум стремление

к интеграции. В Великобритании этнические общины пользуются возможностью изучать английский дважды в неделю в течение десяти месяцев в рамках программы «Английский язык и наставничество». Различные мастер-классы, киноклубы помогают в разговорной практике и развитии языка, а также налаживанию дружеских контактов с местным населением. С 2013 года программа финансируется Фондом Эвана Корниша [7]. Другая программа «Активное гражданство и английский язык» с 2013 по 2015 год поддерживала женщин, которые мигрировали из стран за пределами ЕС в Великобританию, цель программы заключалась в подготовке женщин к тестированию на получение гражданства Великобритании [6]. В настоящее время наиболее всесторонняя и необходимая помощь мигрантам в изучении языка страны-реципиента в Великобритании предоставляется Международной организацией по миграции (МОМ), ведущей межправительственной организацией в области миграции, которая тесно сотрудничает с правительственными организациями, межправительственными и неправительственными партнерами и насчитывает 173 государства-члена. Для беженцев, принятых для переселения в Соединенное Королевство, МОМ предлагает курсы английского языка (UK CO-ELT) [13].

Тем не менее, Великобритания придерживается курса на ужесточение контроля над миграционными процессами, финансирование бесплатных курсов английского языка сократилось. В настоящее время в Англии 770 000 человек говорят на этом языке плохо или совсем не говорят, а изучение языка пострадало из-за правительственных сокращений. В то же время этнические меньшинства в Великобритании демонстрируют тенденцию игнорировать преподавание языка детям-мигрантам.

В Российской Федерации тестирование на знание русского языка (интеграционный экзамен по русскому языку, истории и основам законодательства, государственный экзамен по русскому языку) проводится для уже прибывших в страну иностранных граждан, которые подают заявление на получение разрешения на работу, разрешения на временное проживание, визы на жительство, гражданства Российской Федерации. Для таких лиц организованы курсы русского языка как иностранного.

Обязательное предварительное тестирование на знание русского языка не проводится, хотя в европейском контексте языковое тестирование перед въездом в страну используется уже более десяти лет. Первой страной в Европейском Союзе, которая ввела обязательное предварительное языковое тестирование для мигрантов в 2006 году, были Нидерланды. Тестирование проходит в специальных центрах, организованных посольствами Нидерландов за рубежом. После введения голландской модели она подверглась довольно значительной критике из-за высокой стоимости тестов, ограниченного срока действия языковых сертификатов и доступности тестов только на голландском и английском языках. Несмотря на критику, Нидерланды сохранили систему тестирования, и другие страны последовали их примеру. Сдача предварительного экзамена на знание языка является строгим условием для получения разрешения на долгосрочное проживание в Австрии, Дании, Германии и Великобритании. Последняя, будучи частью ЕС, занимала второе место после Германии по количеству мигрантов. В 2008 году в Великобритании была введена система начисления баллов мигрантам в зависимости от уровня образования, дохода и знания английского языка. По сумме баллов Комитет по миграционным вопросам принимал решение о разрешении на миграцию.

Предварительные языковые тесты, проводимые в разных странах, различаются по многим аспектам: в некоторых странах тестирование организовано властями будущей страны-реципиента или нанятыми поставщиками услуг под их контролем, в других — языковые навыки могут быть подтверждены языковыми сертификатами; в большинстве случаев языковое тестирование проводится в стране происхождения, но в исключительных случаях оно проводится вскоре после прибытия в страну пребывания; тесты различаются по структуре и навыкам тестирования (письмо, чтение, аудирование, устная речь), содержанию (язык, информация о культуре и обществе), а также требуемому уровню языковых знаний. Стоимость тестирования и подготовительных курсов оплачивается мигрантами, но в некоторых случаях может быть субсидирована[4]. Государства-члены ЕС, которые ввели предварительное языковое тестирование, оправдывают эту меру необходимостью расширения интеграционного потенциала мигрантов в такой ключевой

области, как языковые навыки; повысить их готовность и решимость к интеграции; заранее ознакомить мигрантов с культурными и социальными нормами принимающего общества (если языковое тестирование сопровождается тестированием на «гражданскую интеграцию»); предотвращать фиктивные браки; а также сократить необходимые государственные инвестиции в интеграцию после прибытия (если члены семьи живут за счет социальных пособий). Введение языкового тестирования для членов семьи также является сигналом для широкой общественности страны-получателя о том, что власти уделяют должное внимание потенциалу мигрантов для успешной интеграции.

Заключение

Таким образом, хотя каждая из стран-реципиентов реализует свою миграционную политику и набор механизмов для адаптации и интеграции мигрантов, овладение национальным языком мигрантами в большинстве стран определяют приоритетной задачей.

Опыт организации предварительного тестирования будущих мигрантов в мировом сообществе должен представлять большой интерес для российской миграционной политики. Несмотря на то, что предварительное языковое тестирование создает дополнительные препятствия для миграции, особенно для уязвимых групп, которым, таким образом, не удается мигрировать, положительные внешние эффекты от введения такого механизма преобладают. Из-за относительно короткого времени, прошедшего с момента введения предварительного тестирования, пока невозможно правильно оценить эффективность тестов и их реальное влияние на траекторию интеграции мигрантов. Однако есть первые наблюдения за краткосрочным эффектом тестирования в некоторых европейских странах: в большинстве из них общее количество претендентов на вид на жительство уменьшилось после введения тестов. Частично это можно объяснить тем, что мигранты откладывают подачу заявок, желая лучше подготовиться к тестам. Введение системы предварительного тестирования также привело к некоторым изменениям в составе поступающих: среди них меньше малообразованных, пожилых или неграмотных, особенно в странах с относительно

высокой стоимостью тестирования. Практика показывает, что хорошо продуманные схемы подготовки к экзаменам и правильно организованные предварительные языковые тесты могут фактически усилить желаемый эффект расширения прав и возможностей мигрантов и сделать тестирование стимулом для надлежащего обучения, а не серьезным препятствием[4].

Обучение мигрантов разного возраста и пола на разных уровнях образования языку страны-реципиента повышает эффективность адаптации и интеграции мигрантов, а также повышает уровень толерантности основного населения страны. Хотя российские власти отметили снижение уровня владения русским языком среди вновь прибывшего контингента мигрантов из неславянских стран СНГ, традиционная роль русской культуры и русского языка продолжает оставаться важным фактором в регионе и отличительной формой социального капитала, привезенного в Россию значительным количеством вновь прибывших мигрантов.

Список источников и литературы

1. Бедрина, Е. Б. Международная трудовая миграция в современной России: от мониторинга к принятию управленческих решений / Бедрина Е. Б. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. — 158 с.
2. Галас, М. Л. Социально-экономические и политико-правовые аспекты посткризисной миграции / М. Л. Галас // Финансы: теория и практика. — 2017. — № 3. — С. 216–235
3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-gosudarstvennoi-migratsionnoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-na/>
4. Совместное руководство ERIS по принципам, процедурам и стандартам политики интеграции иностранцев [Электронный ресурс] // URL: https://www.pragueprocess.eu/phocadownload/ERIS_manual_ru%20FINAL.PDF
5. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/
6. Active Citizenship and English Language [Электронный ресурс] // URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/intrract/active-citizenship-and-english-ace-for-third-country-national-women-in-the-uk>

7. English Language and Mentoring [Электронный ресурс] // URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/intpract/english-language-and-mentoring>
8. Giddens, A. Sociology [Электронный ресурс] // URL: <https://socioline.ru/pages/entoni-giddens-sotsiologiya>
9. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml
10. Migrants in the UK: an Overview [Электронный ресурс] // URL: http://www.migrationobservatory.ox.ac.uk/wp-content/uploads/2016/04/Briefing-Migrants_UK_Labour_Market.pdf
11. New York Declaration on Refugees and Migrants [Электронный ресурс] // URL: <https://refugeesmigrants.un.org/declaration>
12. Ravenstein, E. G. The Laws of Migration / Ravenstein, E.G. // Journal of the Statistical Society of London. — 1885. — Vol. 48, 2. — P. 167–235 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/2979181.pdf?seq=1>
13. UK Cultural Orientation and English Language Training (CO-ELT): Giving refugees a head start on life in the UK [Электронный ресурс] // URL: <https://www.iom.int/uk-cultural-orientation-and-english-language-training-co-elt-giving-refugees-head-start-life-uk>
14. Ward, C. Where's the Future in Cross-Cultural Transition? Comparative Studies of Sojourners Adjustment / Ward, C. // Journal of Cross-Cultural Psychology. — Vol. 24 — P. 221–249.
15. Wienberg, J. Language Learning of Migrants: Empirical evidence from the German integration course system [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/329626114_Language_Learning_of_Migrants_Empirical_Evidence_from_the_German_integration_course_system_accepted

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абахтимова Дарья Олеговна, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат

Башаров Галим Рамилевич, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, факультет международных отношений и политических исследований, бакалавриат

Белоусов Владислав Дмитриевич, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат

Белякова Анна Михайловна, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат

Болиев Сергей Олегович, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат

Выскубова Анастасия Игоревна, Забайкальский государственный университет, юридический факультет, бакалавриат

Габриелян Максим Олегович, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат

Гельфонд Даниил Владиславович, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, магистратура, программа «Международный менеджмент»

Джафаров Эльшан Намил оглы, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, факультет международных отношений и политических исследований, магистратура

- Дипломатов Андрей Александрович*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, магистратура
- Евсеева Алена Александровна*, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, факультет международных отношений и политических исследований, магистратура
- Заикина Елена Викторовна*, Алтайский государственный университет, Институт массовых коммуникаций, филологии и политологии, магистратура
- Зарипов Никита Андреевич*, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, факультет социальных наук, бакалавриат
- Ибрагимова Неля Ринатовна*, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, исторический факультет, бакалавриат
- Колотова Надежда Владимировна*, Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет, бакалавриат
- Кондрин Максим Дмитриевич*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат
- Коровина Анастасия Максимовна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат
- Коцур Глеб Владиславович*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, аспирантура
- Лебедева Екатерина Александровна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, магистратура
- Леонов Юрий Игоревич*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат

- Мисан Елизавета Михайловна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат
- Митряшкин Александр Сергеевич*, Санкт-Петербургский государственный университет, восточный факультет, бакалавриат
- Морозов Максим Константинович*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, магистратура
- Николаев Юрий Викторович*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, аспирантура
- Ощепкова Валентина Максимовна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, магистратура
- Петрова Дарья Андреевна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, бакалавриат
- Писаревская Дарья Дмитриевна*, МГИМО (У) МИД РФ, факультет международных отношений, бакалавриат
- Попов Дмитрий Игоревич*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат
- Пронина Валерия Александровна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат
- Росляков Федор Сергеевич*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат
- Рыжков Никита Антонович*, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, факультет социальных наук, бакалавриат
- Салахутдинов Эдгар Васильевич*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат
- Смирнов Егор Владимирович*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат

- Токарев Никита Олегович*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат
- Фаим Ахмад Самир*, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, факультет социальных наук, бакалавриат
- Фокин Ярослав Павлович*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавр
- Шишов Никита Юрьевич*, Российский государственный гуманитарный университет, Факультет международных отношений и зарубежного регионоведения, магистратура
- Шубина Дарья Сергеевна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат
- Шуранова Анна Артёмовна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат
- Шебакова Елена Юрьевна*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат
- Щеголев Евгений Андреевич*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, бакалавриат
- Юрк Алексей Владимирович*, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, аспирантура

Научное издание
**РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ**
Сборник работ IX международной
студенческой научной конференции
Верстальщик *А. А. Лубина*

Подписано к публикации 11.08.2021.
Формат 60x90 1/16. Объем 24,13. Заказ № 7212.

Издательство «Скифия-принт»
197198 С.-Петербург, ул. Б. Пушкарская, д. 10, лит. А. пом. 32-Н
тел. (812) 982-83-94